

ЛЕОНИД ПРАЙСМАН

КРОНШТАДТСКОЕ ВОССТАНИЕ

1921

СЕМНАДЦАТЬ ДНЕЙ
СВОБОДЫ

Леонид Прайсман

**Кронштадтское восстание.
1921. Семнадцать дней свободы**

«Нестор-История»

2022

УДК 94(47) "1917-1920"
ББК 63.3(2)612

Прайсман Л. Г.

Кронштадтское восстание. 1921. Семнадцать дней свободы /
Л. Г. Прайсман — «Нестор-История», 2022

ISBN 978-5-4469-1902-4

Книга «Кронштадтское восстание. 1921. Семнадцать дней свободы» рассказывает об одном из самых интересных и загадочных событий Гражданской войны в России — восстании кронштадтских матросов против большевистской диктатуры. Чего хотели кронштадтские матросы? Почему они разочаровались в большевистском режиме? В чем причина страха большевистского руководства, которое испугалось Кронштадтского восстания больше, чем всех походов белых генералов, и расправилось с кронштадтцами с такой невероятной жестокостью? Почему они называли это восстание «третьей революцией»? В книге рассказывается о жизни в Кронштадте в недолгий период свободы, об отношении к восстанию в русской эмиграции и в России, по-новому освещается вопрос об оборонительной тактике восставших. В работе использованы разнообразные источники, в том числе малоизвестные финские архивы. Эта книга об интересной и малоизученной странице истории России является продолжением работ автора «Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге» и «1917-1920. Огненные годы Русского Севера». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47) "1917-1920"

ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-4469-1902-4

© Прайсман Л. Г., 2022

© Нестор-История, 2022

Содержание

Введение	7
Обзор источников и литературы	8
Слова благодарности	13
Глава I	14
1. Флот в революцию 1905–1907 гг.	14
2. Кровавый март на Балтике. Кронштадт – отдельное государство	18
3. Флот углубляет революцию	21
4. Моряки – ударная сила большевиков	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Леонид Григорьевич Прайсман
Кронштадтское восстание
1921
Семнадцать дней свободы

* * *

© Л. Г. Прайсман, 2022

© Издательство «Нестор-История», 2022

Введение

В этом году мы отмечаем 100-летнюю годовщину Кронштадтского восстания. Одно из самых важных событий в истории России XX века остается во многом неизвестным. Советские историки придерживались принятой партийной схемы, продолжая в течение десятилетий называть его белогвардейским мятежом. Участников восстания называли полуграмотными крестьянами, призванными на смену пролетариям, служившим во флоте до революции, а потом ушедшим на фронт защищать власть большевиков. Западные историки, лишенные доступа к архивам Советского Союза, не могли дать адекватную оценку Кронштадтскому восстанию. В этой работе, используя архивные материалы России, Финляндии и США, я попытаюсь восстановить полную картину тех дней.

Для того чтобы разобраться в событиях русской истории этого периода, определивших судьбу страны на десятилетия вперед, надо отчетливо понимать, что происходило в те дни в Кронштадте. Я показываю, что восстание было стихийным, никем не подготовленным событием.

В Кронштадте действовали три силы: Временный революционный комитет (ВРК) во главе с С. М. Петриченко, Штаб обороны крепости и рядовые матросы и солдаты. Несмотря на стихийный характер восстания, ВРК при каждом своем шаге взвешивал политические последствия, отказываясь от любой помощи из-за границы, чтобы не быть заподозренным в связи с белогвардейцами. Запуганные террором революционных лет офицеры не играли никакой роли в организации восстания. Будучи под еще большим контролем восставших, чем красные командиры у комиссаров, они не верили в успех восстания, боялись матросов и хотели только одного – уйти в Финляндию. Матросы же, прекрасно усвоившие уроки революции и Гражданской войны и увидевшие, что вместо демократической советской власти установилась диктатура, невиданная даже в русской истории, в которой диктаторов хватало с избытком, рвались в бой, понимая, что подавляющее большинство рабочих, крестьян и красноармейцев на их стороне.

Это восстание не было похожем на то, что происходило во время Гражданской войны в России, где все участники событий проливали потоки крови, а кронштадтцы не расстреляли даже лидеров большевиков.

Восстание в Кронштадте было самым крупным из многих десятков других больших и малых восстаний, охвативших всю страну. Хотя программа НЭПа была принципиально принята еще до восстания, массовые выступления показали Ленину необходимость введения НЭПа, с одной стороны, и установления жесточайшей диктатуры в партии и стране – с другой. Если раньше в партии до определенных границ допускалась свобода слова, то теперь с этим было покончено. Сталинский режим был установлен Лениным в 1921 г.

Обзор источников и литературы

При написании данной работы автор пользовался разнообразными источниками. Во многом книга основана на материалах двух финских архивов в Хельсинки. В первую очередь это Национальный архив Финляндии (Suomen Kansallisarkisto) (далее – КА), его составная часть – военный архив (Sota-arkisto) (далее – Sark), в котором были проработаны все дела фонда «Комендантский отдел юго-восточной границы». В этом фонде отложилось много материалов, часть из которых автор впервые вводит в научный оборот. Переписка С. М. Петриченко с представителями финских властей; жалоба губернатору Карелии на тяжелую эксплуатацию кронштадтских беженцев; письмо отцу-эконому Валаамского монастыря; письма руководителей обороны Кронштадта: А. Н. Козловского, Б. А. Арканникова, Е. Н. Соловьянова представителям финских властей с рассказом о Кронштадтском восстании; заседания ВРК за границей и многое другое. Очень интересные материалы находятся в Архиве Министерства иностранных дел Финляндии (Ulkoasiainministerion arkisto) (далее – EHRI), в котором отложились документы Государственной полиции (Службы государственной безопасности Финляндии). Это переписка МИД Финляндии с соответствующими ведомствами Польши, Литвы, Латвии и Эстонии о кронштадтских беженцах – выходцах из этих стран; переписка с советскими представителями об отправке беженцев, желающих вернуться в Россию; переписка с кронштадтцами и т. д.

Автор использовал материалы Архива Гуверовского института, Стэнфордский университет, Стэнфорд, Калифорния (Hoover Institution Archives, Stanford University, Stanford, California) (далее – НИА). Из российских архивов я хотел бы отметить Российский государственный архив Военно-Морского Флота (далее – РГА ВМФ), находящийся в Санкт-Петербурге. Были обработаны фонды штаба и политического управления Балтийского флота и информационного отдела Балтийского флота, линкоров «Петропавловск» и «Севастополь». Материалы дают достаточно полную картину событий в Кронштадте, действий военного руководства по подавлению восстания, настроения войск, разведывательную информацию о Кронштадтском восстании. Автор пользовался материалами Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ). В находящемся в нем фондах Русского заграничного исторического архива в Праге был использован личный фонд В. М. Чернова, в котором находятся письма, написанные им во время Кронштадтского восстания. Мы подробно изучили фонд Г. Е. Зиновьева (Радомысльского), где находятся никогда ранее не использованные материалы о действиях Северного боевого участка 7-й армии. В книге приводятся документы и материалы, находящиеся в Российском центре хранения и изучения документов и материалов новейшей истории (далее – РЦХИДНИ), в т. ч.: материалы X съезда РКП(б), листовки и воззвания партии социалистов-революционеров, материалы заграничных организаций ПСР, документы ВЧК о Кронштадтском восстании, о положении в стране, оперативные сводки командования 7-й армии. Автор использовал документы из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга из фонда Петроградского губернского совета профсоюзов.

При написании книги мы хотели познакомиться с воспоминаниями и дневниками непосредственных участников событий. К сожалению, известно очень мало воспоминаний оставших кронштадтцев. В первую очередь это написанные вскоре после подавления восстания воспоминания председателя ревкома С. М. Петриченко, напечатанные в «Новой русской жизни» (мы использовали перепечатку в журнале «Континент», 1976 г., № 10); статьи и интервью генерала А. Н. Козловского, воспоминания командира тяжелой артиллерии форта Риф Н. Ф. Макарова¹, в которых он описал ход восстания, отступление и уход в Финляндию. Из

---

¹ *Петриченко С. М.* Правда о кронштадтских событиях // Новая русская жизнь. 21, 22, 24, 27 апреля 1921 г. №№ 90, 91, 93,

материалов, появившихся в распоряжении исследователей в последние годы, очень интересным является публикация известного специалиста по истории Гражданской войны в России, д-ра исторических наук А. В. Гранина, опубликовавшего статью А. Б. Арканникова, начальника Штаба обороны Кронштадтской крепости во время восстания².

Лучше известны (и их значительно больше) воспоминания участников подавления Кронштадтского восстания: В. Громова, М. Рафаила, С. Урицкого, А. Слепкова, М. Кузьмина, В. Путны, П. Е. Дыбенко³. Через 70 лет после описываемых событий И. А. Ермолаев, член революционной тройки, вспоминал о восстании. Ценность этого труда как исторического источника ослаблена тем, что по прошествии столь длительного срока автор многое забыл и иногда дает неверную информацию⁴.

В 1990-е гг. были опубликованы два очень ценных сборника документов. Первый из них «Кронштадт 1921» (Москва, 1997. Составители В. П. Наумов и А. А. Косаковский). В сборник вошли документы из семи российских архивов, в т. ч. двух недоступных для автора книги: Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ и Архив Президента Российской Федерации.

Очень ценной является публикация документов «Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы в двух книгах» (Москва, РОССПЭН, 1999 г.). В сборнике содержится более 800 документов и еще несколько тысяч были использованы при составлении примечаний и именного указателя из 8 российских архивов. Составители (отв. составитель И. И. Кудрявцев) проделали колоссальную работу и снабдили практически каждый документ ценными замечаниями. К сожалению, во вводной статье Ю. А. Щетинова повторяются старые штампы советской историографии. Автор пытается доказать, что на смену матросам, участвующим в Кронштадтском перевороте, «приходила зеленая молодёжь, набранная по преимуществу из сельских районов юга России»⁵. Не менее спорный и вывод о существовании в Кронштадте группы «кронштадтских нелегалов», связи которых «тянулись <...> в Финляндию»⁶. Несостоятельность этих выводов была неоднократно доказана в т. ч. и документами, которые приводятся в этом сборнике. Об их несостоятельности рассказывается и в данной работе.

Одной из первых работ, написанных иностранцами о событиях Революции и Гражданской войны в России, стала брошюра известного американского анархиста Александра Беркмана «Кронштадтское восстание». Эта работа сыграла огромную роль в разоблачении мифа об Октябрьской революции, во многом благодаря личности автора. А. Беркман – один из лидеров мирового анархистского движения, родившийся в Вильно, в богатой еврейской семье, племянник М. Натансона, в 18 лет переехавший в США. В 1892 г. он был приговорен к 22-летнему тюремному заключению за покушение на Г. К. Фрика, крупного предпринимателя, известного крайне жестоким отношением к рабочим. А. Беркман был освобожден из тюрьмы в 1906 г. В дальнейшем вместе со своей близкой подругой, наиболее яркой фигурой в анархистском дви-

---

95; *Козловский А. Н.* Интервью // Новая русская жизнь. 1 апреля 1921 г. № 73; Правда о Кронштадте // Новая русская жизнь. 5, 6 апреля 1921 г. №№ 76, 77; Причины падения Кронштадта // 8, 9 апреля 1921 г. №№ 79, 80; *Макаров Н. Ф.* Воспоминания. Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 2. С. 336, 338.

² *Арканников Б. А.* В штабе Кронштадтской крепости в дни восстания / публ. А. В. Ганина // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии. СПб., 2019.

³ *Громов В.* Во время мятежа (из воспоминаний участника кронштадтских событий 1921 года) // 1917–1920 годы в Кронштадте. Кронштадт. 1922; *Рафаил М.* Кронштадтский мятеж (из дневника политработника). Харьков, 1921; *Урицкий С.* Красный Кронштадт во власти врагов революции // Гражданская война 1918–1921. М., 1928; *Слепков А.* Кронштадтский мятеж (к седьмой годовщине). М.; Л., 1928; *Кузьмин М.* Кронштадтский мятеж. Популярный очерк. Л., 1931; *Путня В. К.* Кронштадт 16–18 марта 1921 г. // Этапы большого пути. Воспоминания о гражданской войне. М., 1962; *Дыбенко П. Е.* Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 2018.

⁴ *Ермолаев И.* «Власть Советам!..»: о событиях в Кронштадте 1-18 марта 1921 г. // Дружба народов. 1999. № 3. С. 182.

⁵ Кронштадтская трагедия 1921 года. Кн. 1. С. 6.

⁶ Там же. С. 10.

жении в Америке, Эммой Гольдман неоднократно арестовывался. В декабре 1919 г. Беркман и Эмма Гольдман в составе группы из 200 анархистов были высланы в Советскую Россию.

Первые сообщения о большевистском перевороте вызвали у Беркмана восторженную реакцию. Он даже утверждал, что большевики выражают самое фундаментальное желание человеческой души. Эмма Гольдман написала хвалебный гимн: «Советская Россия! Священная земля великого народа! Ты стала символом надежды всего человечества, тебе одной ниспослано искупить его страдания, и я приехала, чтобы служить тебе, матушка»⁷.

Но через несколько месяцев пребывания в Советском Союзе, несмотря на желание увидеть в новом режиме лишь положительные стороны, от их энтузиазма не осталось и следа. «Я обращала внимание, как душат свободу слова на сессии Петросовета, на которой мы побывали, – писала Эмма Гольдман, – я с удивлением обнаружила, что в столовой Смольного членов партии кормят больше и лучше, чем прочих. И вообще, не могла не заметить царившую всюду несправедливость»⁸.

Более трезвомыслящая Гольдман гораздо быстрее разобралась в том, что творилось в России. Но восторженный Беркман, даже наблюдая всевозможные недостатки, продолжал истово верить в большевистскую революцию. Окончательно Беркман все понял во время забастовок рабочих в феврале и марте 1921 г. в Петрограде и восстания в Кронштадте. Узнав о характеристике восстания как «эссеровски-черносотенной» под руководством белогвардейцев, Беркман пришел в ярость: «Это же просто бред: Ленина и Троцкого, наверное, кто-то ввел в заблуждение. Как они могли поверить, что матросы повинны в контрреволюции? Команды „Петропавловска“ и „Севастополя“ первыми поддержали большевиков в октябре и с тех пор ни разу не давали повода заподозрить их в отклонении от этого пути»⁹. Кровавое подавление восстания сделало Беркмана непримиримым врагом большевистской диктатуры. Он писал, что политика большевиков ставит страну на грань катастрофы. Он приветствовал движение кронштадтцев и осуждал подавление его «железной рукой». Беркман восторженно пишет о счастливой жизни в Кронштадте во время восстания: «Кронштадт возродился к новой жизни. Революционный энтузиазм оказался на уровне Октября. <...> Временный Комитет пользуется полным доверием кронштадтцев. Он завоевал всеобщее уважение безоговорочным следованием своему принципу „равные права для всех, никаких привилегий“»¹⁰. Он иногда несколько отступает от истины, когда описывает Кронштадт. Например, утверждая, что «Революционный Комитет был исключительно пролетарским»¹¹. Он подчеркивает преданность Кронштадта советской демократии: «Кронштадт был вдохновлен пламенной любовью к Советской России и безграничной верой в настоящие Советы»¹². Отношение Беркмана порой носит почти религиозный характер. В кронштадтцах он нашел свой идеал: «Кронштадт жил сознанием служения своей миссии. С незабываемой верой в справедливость своей цели». Некоторые оценки Беркмана явно преувеличены: «В глубине своей славянской души они (матросы. – Л. П.) были глубоко уверены, что справедливость цели и сила революционного духа должны победить»¹³. Интересно, что Беркман сравнивает Кронштадт с Парижской коммуной, а руководителей большевиков с палачом коммуны – Тьером.

В конце концов, истовый анархист Беркман приходит к выводу: «Опыт Кронштадта еще раз доказывает, что правительство, государство – как бы это ни называлось или в какую бы ни

⁷ Гольдман Э. Проживая свою жизнь: автобиография. М., 2018. Ч. 3. С. 106.

⁸ Там же. С. 113.

⁹ Там же. С. 284, 285.

¹⁰ Berkman A. The Kronstadt Rebellion. Berlin, 1922. P. 20.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. P. 24.

¹³ Ibid. P. 39.

было обличено форму – вечный, смертельный враг свободы и самоопределения»¹⁴. Беркман лучше понял ужас большевистской диктатуры, чем любой противник большевиков в левом лагере: «Он – „Кронштадт“ продемонстрировал, что большевистский режим является абсолютной диктатурой и реакцией и что коммунистическое государство является самой мощной и опасной контрреволюцией»¹⁵.

Из зарубежных историков мы рассмотрим работу британского историка и философа Г. М. Каткова. Он родился в 1903 г. в Москве, в известной русской дворянской интеллигентной семье; внучатый племянник выдающегося русского публициста и издателя правого направления М. Н. Каткова, сын профессора римского права М. М. Каткова. В 1901 г. семья эмигрировала в Чехословакию. Катков учился в Праге одновременно в русском и немецком университетах. Изучал санскрит, индологию и философию. Но после бегства в 1939 г. из оккупированной Германией Чехословакии в Британию круг его научных интересов изменился. Он стал заниматься русской историей, в основном Революцией 1917 г. и Гражданской войной. Некоторые его работы переведены на русский язык. В 1959 г. в престижном журнале *Soviet Affairs* была опубликована его статья «Кронштадтское восстание»¹⁶.

Несмотря на то, что Катков не мог использовать при написании статьи советских архивов, он значительно лучше всех авторов, писавших о Кронштадтском восстании, сумел разобраться в этой сложной теме. Он четко определил роль балтийских матросов в Октябрьском перевороте и Гражданской войне: «Этот титул (краса и гордость революции) был им дан не за приверженность марксистским догмам, а за безжалостное использование экстремистских революционных методов. Они пронесли эту репутацию через всю гражданскую войну. Кронштадтский матрос стал знаковой и угрожающей фигурой, в какой бы роли он ни выступал, как комиссар, глава местного совета или спецподразделения в армии, как агитатор и организатор...»¹⁷.

Катков тонко определил, что в начале восстания кронштадтцы считали себя группой политического давления, а не заговорщиками. Он справедливо писал о сходстве взглядов восставших и рабочей оппозиции: «Идеологически рабочая оппозиция была значительно ближе к кронштадтским повстанцам, чем целому ряду групп, с которыми Ленин и последующие историки пытались ассоциировать мятежников. Это сходство было подчеркнуто Лениным и поддерживающим его большинством, что больше всего напугало лидеров рабочей оппозиции, и они выступили против Кронштадта. Как все другие делегаты съезда»¹⁸.

Катков прекрасно разобрался в идеологии восставших, он подчеркивал их преданность идее советской власти: «Они были и остались сторонниками советской власти. У них было классовое сознание, их либерализм не заходил так далеко, чтобы признать равные права для представителей эксплуататорских классов»¹⁹. Автор определил, в чем состоит различие между кронштадтцами и основными социалистическими партиями: «Лозунг „Третья революция“ являлся важным стимулом Кронштадтского восстания (...), кронштадтские матросы провели четкую линию между собой и теми, кто хотел вернуться к принципам Февральской революции»²⁰. Он стал первым историком, который показал разницу между кронштадтскими повстанцами и участниками всех остальных движений, направленных на свержение большевистской диктатуры любой идеологической направленности: «Очень важно открыть правду, особенно потому, что она показывает существенную разницу между антикоммунистической тактикой кронштадтских повстанцев и тактикой остальных антикоммунистических движений.

---

¹⁴ Ibid. P. 42.

¹⁵ Ibid. P. 29.

¹⁶ *Katkov G. The Kronstadt Rising // Soviet Affairs Number Two. London, 1959.*

¹⁷ Ibid. P. 21.

¹⁸ Ibid. P. 36.

¹⁹ Ibid. P. 41.

²⁰ Ibid. P. 42.

Факт, что ни один коммунист не был расстрелян, никого не судили военным судом и Временный Революционный комитет не собирался никому мстить»²¹.

Достоинство этой статьи не снижают мелкие ошибки и неточности, допущенные автором. Например, он пишет, ссылаясь на слова Виктора Сержа, что некоторые офицеры, присланные с польского фронта в Ораниенбаум, собирались восстать и присоединиться к кронштадтским матросам. Или его утверждение, что в первые дни восстания части Красной армии, направленные против восставших, были значительно больше и лучше вооружены.

Брошюра известного американского журналиста Эммануэля Полака «Кронштадтское восстание (первый вооруженный мятеж против Советов)»²² дает в целом верную картину восстания, разоблачает ложь большевистской пропаганды, многократно повторяемую советскими историками, но, к сожалению, содержит многочисленные ошибки. Они начинаются с названия брошюры. Это было далеко не первое вооруженное восстание, и оно было направлено против диктатуры большевистской партии, а никак не против Советов, последовательными сторонниками которых были восставшие. Так, автор утверждает, что «Кузьмин приказал вывезти из города все запасы пищи и военного снаряжения»²³. Знаменитую фразу «Вас перестреляют как куропаток» автор почему-то приписывает Троцкому, хотя она принадлежала Зиновьеву. Он приводит фантастически преувеличенную цифру численности войск, штурмовавших Кронштадт: «60 тысяч отборных бойцов»²⁴. Самое невероятное преувеличение, что во время штурма Кронштадта было убито 18 тыс. повстанцев, что превышает число защитников Кронштадта.

Работа написана после Венгерского восстания 1956 г., и в ней проводятся параллели между двумя событиями, но в них не было ничего общего. Эта работа типичный пример поверхностных, научно-популярных работ о русской истории.

---

²¹ Ibid. P. 44.

²² Pollack E. The Kronstadt Rebellion (The First Armed Revolt against the Soviets). N. Y., 1959.

²³ Ibid. P. 16.

²⁴ Ibid. P. 39.

Слова благодарности

Данная работа является своеобразным продолжением моих предыдущих книг «Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге» и «1917–1920. Огненные годы Русского Севера». Книга «Кронштадтское восстание. 1921. Семнадцать дней свободы» рассказывает о самой крупной попытке осуществления Третьего пути после окончания основных событий Гражданской войны в 1921 г.

Мне хотелось бы выразить благодарность многим людям, оказавшим прямую или косвенную помощь в создании этой книги. В первую очередь я глубоко благодарен моей жене Алле, моему преданному другу и помощнику на протяжении многих лет нашей совместной жизни, она оказывает мне колоссальную поддержку, всегда терпеливо и с пониманием относится к научным «штудиям» своего мужа, является моим неоценимым помощником при создании этой и предыдущих книг. Во время нашей работы в архивах России, Финляндии и США она помогла мне обработать и снять копии со многих тысяч документов. В ее переводе в этой книге приводится работа американского анархиста Александра Беркмана «Кронштадтский мятеж».

Очень большую помощь мне оказали работники архивов, и в первую очередь Л. Г. Аронов, сотрудник ГАРФа, и А. В. Шмелев, директор Архива Гуверовского института Стэнфордского университета. В работе в Национальном архиве Финляндии для меня была путеводной звездой Марина Витухновская-Каушпала, доцент Хельсинского университета, доктор философии. Особо хотелось бы отметить благожелательное отношение работников Национального архива Финляндии и Архива МИДа Финляндии. В последнем, несмотря на ремонт, нам предоставили для работы отдельную комнату. Также я хочу выразить благодарность библиотекарю Национальной библиотеки Финляндии Ирине Лукка, оказавшей мне большую помощь в работе с коллекцией финских газет, в том числе и на русском языке, и доктору исторических наук Г. Н. Ульяновой за поддержку и практические советы.

На протяжении многих лет я обсуждаю все мои научные замыслы с моими близкими друзьями – профессором, доктором исторических наук К. Н. Морозовым и его женой, кандидатом исторических наук А. Ю. Морозовой. Я приношу благодарность кандидатам исторических наук М. В. Соколову и Е. Н. Струковой, а также Н. Липилиной за предоставленную мне возможность участвовать в различных конференциях и дискуссиях, посвященных моей научной тематике, что оказало мне определенную помощь при написании этой книги.

Моя искренняя благодарность сотрудникам замечательного издательства «Нестор-История», которое прекрасно издало две мои предыдущие книги и теперь издает третью: директору издательства, доктору исторических наук С. Е. Эрлиху, заместителю директора Е. Ф. Качановой и всех принимавшим участие в выпуске трех изданий.

Моя отдельная благодарность Е. И. Кондрахиной, предоставившей мне материалы из архива Петербургского НИЦ «Мемориала»²⁵ и Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге; доктору исторических наук А. В. Ганину, научные работы которого и публикации архивных документов помогли мне в написании книги; профессорам Б. И. Колоницкому, Я. В. Леонтьеву и кандидату исторических наук П. Гусеву, научные труды и общение с которыми также помогали мне в работе.

---

²⁵ Внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функцию иностранного агента.

Глава I

Балтийский флот в 1900–1920 гг.

1. Флот в революцию 1905–1907 гг.

Первую мировую войну Балтийский флот, как и вся русская армия, встретил в разгар перевооружения. К началу войны в состав Балтийского флота входили: 4 линкора, 6 броненосных и 4 легких крейсера, 13 эсминцев, 50 миноносцев, 6 минных заградителей, 13 подводных и 6 канонерских лодок. Балтийский флот был самым мощным в Российской империи. Из 14 крейсеров 10 входили в состав Балтийской эскадры. Самыми мощными судами русского флота были линкоры «Петропавловск» и «Севастополь». К 1917 г. во флоте насчитывалось 137,2 тыс. нижних чинов. Из них на Балтике служило 83,9 тыс. человек. Но, несмотря на наличие в Балтийском флоте эскадры из 4 новых линкоров, русский флот значительно уступал германскому. Командир линкора «Петропавловск», контр-адмирал В. К. Пилкин писал: «Силы наши были ничтожны, по сравнению с немцами. Но Балтийский флот держал нашего противника в напряжении, нанося ему чувствительные удары, иногда у самых его берегов. <...> Немцы не хотели верить, что русские моряки, на старых колошах, – судах, принимавших участие еще в Японской войне, современники которых у немцев давно уже стояли блокшивами в их портах, если не были разобраны, осмеливались в зимние ночи, пробиваясь через лед, выходить в море и под самыми неприятельскими берегами, на немецких путях сообщения ставить мины, на которых один за другим взрывались суда неприятеля»²⁶. Флот под командованием талантливых полководцев – командующего флотом адмирала Н. О. фон Эссена и контр-адмирала А. В. Колчака проводил активные операции по постановке минных заграждений, резко затруднявших действия немецких судов. В 1914–1917 гг. немцы потеряли на Балтике 53 боевых и 49 вспомогательных судов; русские потери – 36 боевых кораблей.

Одной из главных проблем русского флота были напряженные отношения между командами и офицерами. В других родах войск в России не было таких классово-социальных противоречий между рядовыми и командирами, как во флоте. По данным призывных комиссий, среди матросов, призванных в 1914–1916 гг., было 23,12 % фабрично-заводских рабочих и 23,94 % полупролетариев. В армии среди призванных в 1914–1916 гг. около 85 % были крестьяне. В морской кадетский корпус, с 1915 г. – Морское училище, учебное заведение, которое закончили практически все строевые офицеры Балтийского флота с 1894 г., принимали только потомственных дворян и детей морских офицеров (также дворян). Из принятых в корпус в 1910–1915 гг. 1128 человек 1033 человека (91,5 %) были потомственными дворянами и 17 человек (1,6 %) личными дворянами²⁷. Среди морских офицеров значительно выше, чем в армии, был процент немцев, в основном представителей прибалтийского дворянства. Это усиливало напряжение между матросами и офицерами, особенно в условиях войны. Хотя подавляющее большинство морских офицеров немецкого происхождения были русскими патриотами, но встречались и исключения. Пилкин описывал одного из них: «Фон Рейер, 1-й Армин Карлович <...>, капитан 2-го ранга <...>. Дворянин, уроженец Лифляндской губ. <...> Это был типичный немец, не прибалтийского, а германского типа. Говорил по-русски с акцентом, сильно ругался, и, самое неприятное, ужасно бил матросов по морде; особенно часто он бил одного

---

²⁶ Пилкин В. К. В Белой борьбе на Северо-Западе. Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 494.

²⁷ Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 140.

из горнистов. Делал он это из презрения к русским мужикам. <...> Это прототип германского фашиста. Кроме него я немцев-офицеров такого типа на флоте не видел»²⁸.

Если после революции 1905–1907 гг. физические наказания фактически полностью исчезли из жизни русской армии, то во флоте они были распространенным явлением. Налагать наказания – до 50 ударов линьками или розгами мог старший офицер или командир корабля. Во флоте к физическим наказаниям часто прибегали даже выдающиеся российские флотоводцы. Пилкин, высоко оценивавший генерала А. В. Колчака, тем не менее вспоминал: «Молодым офицером, на „Аскольде“, Колчак действительно жестоко дрался, и его принуждены были останавливать начальники и сослуживцы. В баллотировочной комиссии ст. офицер „Аскольда“ Л. К. Теше возражал против производства Колчака и положил ему черный шар, ставя ему в вину жестокое обращение с командой»²⁹.

Современники отмечали изменения в командах кораблей Балтийского флота: «Команды, которые прежде набирались с берегов Белого моря, Волги и других больших рек, стали вербовать на фабриках, так как требовались техники, машинисты, кочегары и т. п. Это были уже совсем другие матросы»³⁰. Стремительный рост числа новых матросов из рабочих, с одной стороны, и морских офицеров из дворянских семей, с другой, способствовали обострению обстановки на кораблях и революционной радикализации команд. На это влияло также общение матросов с рабочими, занятыми на строительстве кораблей, близость главной базы Балтийского флота в Кронштадте к Петрограду.

Поражение России в Русско-японской войне 1904–1905 гг., уничтожение русского флота японцами в Цусимском сражении 14–15 мая 1905 г. также способствовали росту революционных настроений. Крупнейшие восстания в Вооруженных силах России во время революции 1905–1907 гг. происходили во флоте: на Черноморском флоте 25 июня 1905 г. – на броненосце «Потемкин», 11–16 ноября 1905 г. – восстание лейтенанта Шмидта; на Балтийском флоте: 15–18 июня 1905 г. – в Либаве, 17 июля 1906 г. – в Свеаборге и Кронштадте. Более грозный характер носило восстание в Кронштадте в октябре 1905 г. Оно началось стихийно 26 октября после того, как 40 солдат 2-го Крепостного батальона были арестованы. Матросы попытались освободить их, но при столкновении с конвоем двое из них были убиты. В ответ восстали 4-й и 7-й флотские экипажи, а также учебно-минный и учебно-артиллерийские отряды. К концу дня к восстанию присоединились матросы других флотских экипажей, а также солдаты, минеры и артиллеристы (всего около 3000 матросов и 1500 тыс. солдат). Кронштадт практически оказался в руках восставших. Но стихийный характер восстания привлек к разгрому продовольственных и винных складов и магазинов и к убийствам офицеров.

27 октября прибывшие из Петербурга войска подавили восстание, военный суд приговорил 9 участников к каторжным работам, 68 – к различным срокам тюремного заключения³¹.

В отличие от Кронштадтского восстания 1905 г., восстание в 1906 г. в Кронштадте и Свеаборге готовила подпольная военная организация, в которую входили социалисты-революционеры и социал-демократы. 18 июня, получив известия о начале восстания в Свеаборгской крепости, руководство военной организации в Кронштадте приняло решение о немедленном выступлении. Вечером 19 июня выступили матросы 1-й и 2-й флотских дивизий, минеры, солдаты электронной минной роты и рабочие. Они захватили здание морского арсенала, но в нем не было оружия. Попытка использовать артиллерию батареи «Литке» и форта «Константин» не удалась. Команды стоявших в гавани судов были изолированы и не могли поддержать восставших. После обстрела артиллерией и прибытия войск из Петрограда восставшие сдались

---

²⁸ Пилкин В. К. Указ. соч. С. 579, 580.

²⁹ Там же. С. 485.

³⁰ Там же. С. 489.

³¹ Андреев В. И. Кронштадтское восстание и погром // Армия в первой революции. М.; Пг., 1921. С. 18.

утром 20 июня. По приговору военных полевых судов были расстреляны 36 участников восстания, а 228 отправлены на каторгу³². В результате восстания и ряда террористических актов, совершенных матросами, руководители страны стали опасаться собственного флота. Военный министр в 1905–1907 гг., генерал А. Ф. Редигер прямо писал об этом: «Продолжающиеся на флоте беспорядки делали из него элемент опасный для государства. <...> Состояние флота становилось все хуже, и он являлся несомненной опасностью для страны»³³. Редигер был решительным противником усиления флота. 21 ноября 1906 г. при докладе Николаю II он заявил: «...флот, раньше всего, надо сократить, чтобы привести его в порядок, а отнюдь не гоняться за его усилением, чтобы не создавать „потемкинских дворцов“»³⁴. Он писал о принятых мерах: «...сразу уволили два лишних срока службы. Если бы флот имел какое-либо боевое значение, то можно было бы говорить о полном расстройстве его состава и нарушении его обучения. Теперь же это является лишь мерой, крайне полезной для сокращения состава бунтующих вооруженных команд»³⁵.

Говорить о каких-то осмысленных революционных настроениях балтийских матросов не приходится. Матросы были возмущены палочной дисциплиной, установленной офицерами, и давали выход своей ненависти в диких бунтах, чем-то напоминающих действия толп Разина и Пугачева. В 1905 г. властям удалось направить гнев матросов на другие цели. В конце ноября 1905 г. было принято решение о формировании нескольких батальонов из состава флотских экипажей. В батальонах было много участников недавних волнений. Они предназначались для подавления революционных выступлений в Прибалтике, где эстонские и латышские крестьяне громили замки и усадьбы и убивали немецких помещиков и арендаторов. Вначале были сформированы два батальона под командованием морских офицеров – прибалтийских немцев. Было много опасений в надежности матросов, вступивших в батальоны. Но уже после начала их действий в конце декабря местные власти и немецкое население вздохнули спокойно. Начальники отмечали отличные действия матросов, только иногда упрекали их в излишней жестокости и в массовом потреблении алкоголя³⁶. В полном восторге от матросов был император. 29 декабря 1905 г., вскоре после прибытия матросских батальонов в Прибалтику, он писал матери, что они «действуют отлично; много банд уничтожено, дома и их имущество сжигаются. На террор нужно отвечать террором»³⁷. «Очень был обрадован, – писал о действиях матросов командир 1-го матросского батальона, капитан 2-го ранга О. О. Рихтер, – что команда поняла, что имеет дело со зверским, мстительным народом, и, конечно, не ждет, пока ее заденут, а стреляет во всякого». Матросы настолько вошли во вкус кровавых расправ, что, как писал Рихтер, их «приходится удерживать»³⁸.

Обрадованные «успешными» действиями матросов власти сформировали еще три морских батальона. Местные жители – немцы послали благодарность морскому министру, подчеркивая, что они чувствуют себя под защитой моряков как за каменной стеной³⁹.

Революционная пропаганда на Балтийском флоте не прекращалась и после начала Первой мировой войны. 19 октября 1915 г. на линкоре «Гангут» вспыхнули волнения. На сухопутном фронте шли тяжелые бои, и русская армия несла колоссальные потери. В 1914–1917 гг. среди офицеров число убитых, раненых и плененных составило 712 983. Это число превышало количество офицеров в начале войны. Для их замены в школах прапорщиков и военных учили-

³² Крестьянинов В. А. Мятежный Кронштадт. 1905-1917-1921. М., 2017. С. 107, 141.

³³ Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 1. С. 502.

³⁴ Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 116.

³⁵ Там же. С. 39.

³⁶ Пилкин В. К. Указ. соч. С. 396.

³⁷ Цит. по: Пилкин В. К. Указ. соч. С. 396.

³⁸ Там же.

³⁹ Цит. по: Пилкин В. К. Указ. соч. С. 397.

цах организовали массовый выпуск офицеров. К середине 1917 г. 80 % всех произведенных в офицеры были выходцами из крестьян и только 4 % из дворян. Социальный состав армейского офицерства соответствовал социальному составу населения страны. Во флоте ничего подобного не происходило. Боевые действия носили ограниченный характер, потери были сравнительно небольшие. За Первую мировую войну русский флот потерял до Февральской революции 140 человек офицерского и административно-хозяйственного состава⁴⁰. К 1 января 1917 г. он насчитывал в своем составе 6095 офицеров и адмиралов. В подавляющем большинстве они служили во флоте до начала войны. С начала войны и до 1 января 1917 г. во флот было призвано из запаса и морского ополчения 578 офицеров⁴¹. Флотское офицерство оставалось в большинстве своем замкнутой дворянской кастой, которой противостояла масса рядового состава с самой большой пролетарской прослойкой в русской армии. Многие из матросов служили во флоте в довоенные времена, среди мобилизованных было много участников революции 1905–1907 гг. Поэтому революционные события в феврале 1917 г. носили во флоте, в первую очередь на Балтике, особенно кровавый характер.

---

⁴⁰ Назаренко К. Б. Балтийский флот в революции 1917–1918 гг. М., 2017. С. 180, 181.

⁴¹ Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. С. 310.

2. Кровавый март на Балтике. Кронштадт – отдельное государство

Февральская революция, видимо, в шутку была названа мирной. Хотя по сравнению с тем, что происходило в стране с октября 1917 г., она была относительно мирной. Она стала тяжелым испытанием для русского офицерства. Но если на фронте и в тыловых гарнизонах офицеры подвергались избиениям, издевательствам, унижениям, но убивали их сравнительно редко, то на Балтийском флоте убийства сразу приняли массовый характер.

После получения известий о событиях в Петрограде 2 марта 1917 г. толпа матросов вытаскала из дома главного командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта Р. Н. фон Вирена, известного своим жестоким отношением к матросам, сорвала погоны и, избивая по дороге, притащила на Якорную площадь, где его убили, а труп бросили в овраг. Вирен при прекрасных качествах флотоводца отличался большой жестокостью. В письме адмиралу графу А. Ф. Гейдену 15 сентября 1916 г. он сообщает, как собирается бороться со все усиливающимися революционными настроениями во флоте: «Я не остановлюсь перед крайними мерами. Если потребуется, введу вместо розги – плеть, вместо одиночного строгого заключения – голодный недельный арест»⁴². Некоторых офицеров убивали прямо на кораблях. Старший лейтенант Н. Н. Ивков, командир учебного судна «Африка» и капитан 1-го ранга, начальник Водолазной школы, были убиты за отказ выдать оружие восставшим толпам. Если до 1 января 1917 г. Балтийский флот потерял убитыми 94 офицера, то во время мартовских расправ, по подсчетам русского историка С. В. Волкова, Балтийский флот потерял 120 офицеров, из них 24 были убиты в Кронштадте⁴³. Среди историков существуют различные мнения по поводу числа погибших. М. А. Елизаров считает, что на Балтийском флоте погибло около 100 офицеров, из них в Кронштадте – около 40⁴⁴.

Авторы из революционного лагеря любили рассказывать трогательные истории, как матросы заботились о «хороших» офицерах. Ф. Ф. Раскольников писал: «Часами (матросы. – Л. П.) разыскивали своих офицеров по другим частям, требовали от арестованной команды их освобождения под свое поручительство, уводили затем в безопасное пристанище <...> и еще более, они одевали офицеров в собственную форму и водили на свидание с семьями или с друзьями»⁴⁵. Действительность была очень далека от этой радужной картины. Если такие случаи и были, то крайне редко. Обычно матросы не препятствовали матросам с других судов расправляться со своими офицерами, в том числе и с теми, к которым они хорошо относились.

После Февральской революции вся страна представляла собой один бесконечный митинг. После многовековой неволи люди спешили высказаться, чтобы потом замолчать до конца 1980-х гг. Но Кронштадт выделялся даже на фоне этой нескончаемой говорильни. Митинги на Якорной площади собирали колоссальные толпы матросов, солдат, рабочих, буквально яблоку негде было упасть, хотя она вмещала до 30 тыс. человек. Речи ораторов все время нагнетали революционную истерию. Уже в конце марта наибольшим успехом стали пользоваться крайние партии – большевики, руководителями которых в Кронштадте были мичман Ф. Ф. Раскольников – председатель горкома РСДРП(б) и недоучившийся студент С. Г. Рошаль – заместитель председателя горкома, а также анархисты различных течений, наиболее попу-

---

⁴² Известия Кронштадтского совета. 20 июля 1917 г.

⁴³ Волков С. В. Трагедия русского офицерства. С. 11.

⁴⁴ Елизаров М. А. «...здесь было много стихийного, много и страшного мщеника» // Военно-исторический журнал. 2006. № 12. С. 46.

⁴⁵ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 38.

лярным из которых был Е. З. Ярчук, портной по профессии, участник революционного движения с 1903 г.

Первым органом новой власти в Кронштадте стал Комитет общественного движения, образованный 1 марта 1917 г. В выборах участвовали солдаты, матросы и рабочие. Наибольшей популярностью в Кронштадте в начале революции пользовались эсеры, и их представитель А. Ханох возглавил Комитет. Большевики вошли в Комитет в незначительном числе – всего три человека. Так как они не пользовались в Комитете особым влиянием, то этот орган власти им не нравился. Раскольников презрительно охарактеризовал его как «чисто интеллигентскую организацию»⁴⁶. 5 марта начал работу Совет рабочих депутатов под председательством беспартийного студента А. Н. Ломанова, 6 марта – Совет военных депутатов под председательством сухопутного офицера А. А. Красовского. 10 марта обе организации объединились в Совет рабочих и солдатских депутатов. Его председателем вскоре стал Ломанов.

Революционные настроения в Кронштадте росли. Кронштадтский гарнизон первым в России отменил погоны. Кронштадтский совет первым в стране в начале марта 1917 г. вступил в конфликт с Временным правительством, назначившим комиссаром Кронштадта члена Государственной думы правого кадета П. Н. Попеляева, который стал освобождать арестованных офицеров, требовать ареста матросов, убивавших офицеров, и роспуска Кронштадтского совета. Но в результате матросы арестовали самого Попеляева и освобожденных им офицеров. Правительство потребовало освободить арестованных и отправить их в Петроград, угрожая лишить Кронштадт денег и продовольствия. Под давлением правительства и Петросовета Кронштадтский совет согласился освободить Попеляева и признал право правительства назначать в Кронштадт комиссара при условии его одобрения Советом. Но матросы категорически отказывались освободить арестованных офицеров и угрожали с ними расправиться. Только после ультиматума об освобождении арестованных в 24 часа, а в случае отказа начала военных действий офицеры были выпущены из тюрьмы. Эти события ускорили радикализацию матросов, этому также способствовала успешная пропаганда большевиков и анархистов в Кронштадте, носившая все более антивоенный и антиправительственный характер. Хотя настроение на других базах Балтийского флота в Ревеле и Гельсингфорсе было более умеренным, в целом Балтийский флот стал опорой большевиков и анархистов. Но, несмотря на это, Временное правительство еще продолжало пользоваться популярностью у моряков, особенно министр юстиции А. Ф. Керенский. Его назначение 5 мая 1917 г. военным и морским министром было восторженно встречено многими матросами. 7 мая была опубликована резолюция команды линкора «Севастополь»: «Горячо приветствуем Вас с вступлением на новый, весьма ответственный и трудный пост. И от души желаем Вам крепости сил и успехов. Мы гордимся, что ныне имеем у руля управления такого кормчего, на которого обращены взоры всего мира. Вы наш вождь. Мы Вам беззаветно верим. Ведите нас на борьбу за братство, равенство и свободу не только России, но и всех порабоженных народов»⁴⁷.

Под влиянием большевиков и анархистов Кронштадтский совет, несмотря на преобладание в нем весной 1917 г. умеренных социалистов, находился в открытой оппозиции к Временному правительству и Петроградскому совету. Раскольников писал об этом: «К июню 1917 г. Кронштадт был прочно завоеван нашей партией. Правда, большинства мы там не имели даже в Совете, но фактическое, влияние большевиков было, по существу, неограниченным»⁴⁸. Если бы автор написал «анархистов и большевиков», он бы был совершенно прав. Летом влияние анархистов усилилось. Самое крайнее революционное течение пользовалось большим успехом, и большевики не успевали за стремительно радикализирующейся матросской массой. 17 марта

---

⁴⁶ Там же. С. 52.

⁴⁷ Дело народа. 5 мая 1917 г.

⁴⁸ Раскольников Ф. Ф. Указ. соч. С. 93.

Кронштадтский совет принял резолюцию: «Единственной властью в г. Кронштадте является Совет р. и с. д., который по делам государственного порядка входит в непосредственные сношения с Петроградским Советом р. и с. д.»⁴⁹. Во Временном правительстве и Петроградском совете стали с ужасом говорить о «Кронштадтской республике». Под волной бешеной критики центральное большевистское руководство растерялось. Оно еще не понимало, что ни Петроградский совет, ни Временное правительство реальной силой и властью не обладают. Раскольников срочно вызвали на ковер к Ленину: «Закончив писать, он (Ленин. – Л. П.) положил ручку в сторону и бросил на меня сумрачный взгляд исподлобья. – Что вы там наделали? Разве можно совершать такие поступки, не посоветовавшись с ЦК? Это – нарушение элементарной партийной дисциплины. Вот за такие вещи мы будем расстреливать...»⁵⁰. 3 апреля посол Франции М. Палеолог писал: «Милюков очень смущен тем, что происходит в Кронштадте <...>. Город (около 55 000 жителей) не признает ни Временного правительства, ни Совета. Войска гарнизона, насчитывающие не менее 20 000 человек, находятся в состоянии открытого возмущения»⁵¹. Лидеры умеренных социалистов, побывавшие в Кронштадте, были поражены настроениями, господствующими в матросской среде. В. С. Войтинский, меньшевик, член бюро исполкома Петроградского совета вспоминал свой первый визит в Кронштадт: «16 мая я поехал в Кронштадт. Огромная толпа – тысяч 10 человек, может быть и больше. Преобладали матросы, но были и солдаты, и рабочие. Поблизости от раскрытой лестницы, служившей ораторской трибуной, стояли тесной кучкой люди, явно поставившие себе задачей сорвать доклад. Они поминутно перебивали меня враждебными возгласами и хуже всего было то, что каждое их слово вызывало бурные выражения сочувствия со стороны толпы. Я боролся, как мог, с бившимися вокруг меня волнами недоверия и вражды. Но чувствовал, что мои слова отскакивают от сознания толпы. После меня начинают говорить „большевики“ – так, по крайней мере, они сами называли себя. Я слушал их и ушам своим не верил: в одном из них можно было сразу узнать перекусившегося черносотенца, в речи другого грубая демагогия настолько была в глаза, что казалось, будто он издевается над слушателями»⁵².

Но по-настоящему ВЦИК Советов и Временное правительство поняли размер угрозы, исходящей от балтийских матросов в начале июля 1917 г. во время июльского кризиса. Поводом к июльским событиям послужил выход четырех министров, членов ПНС, из Временного правительства из-за отказа признать соглашение, заключенное в Киеве представителями Временного правительства и Центральной рады, предоставлявшее Украине автономию и разрешавшее создание украинских национальных частей. Большую роль в кризисе сыграли начало наступления русской армии, первые известия о неудачах на фронте, нежелание запасных частей петроградского гарнизона, в первую очередь 1-го Пулеметного полка, отправлять маршевые роты на фронт. Свою роль сыграл также отказ министров буржуазных партий утвердить законопроект министра земледелия В. М. Чернова о запрещении всех сделок по купле-продаже земли до принятия Учредительным собранием решения по земельному вопросу.

---

⁴⁹ Кронштадтский совет в 1917 году. Протоколы и постановления. СПб., 2017. Т. 1. С. 310.

⁵⁰ Раскольников Ф. Ф. Указ. соч. С. 83.

⁵¹ Палеолог Морис. Дневник посла. М., 2003. С. 782.

⁵² Войтинский В. С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 127–128.

3. Флот углубляет революцию

Демагогия большевиков и анархистов все больше влияла на Петроградский гарнизон, части которого боялись отправки на фронт, на пролетариат столицы, стремившийся как можно меньше работать и как можно больше получать, и на кронштадтскую вольницу, пытавшуюся распространить кронштадтский пример на всю Россию.

Застрельщиками движения стали солдаты 1-го Пулеметного полка, самого большого в русской армии, насчитывающего 19 тыс. человек. Министр почт и телеграфа И. Г. Церетели объяснял это странное положение так: «Еще при старом режиме 1-й Пулеметный полк считался одним из самых разложившихся полков. <...> К этому полку, который назначен был к отправке на фронт, военное начальство непрерывно присоединяло разложившиеся элементы из других полков с тем, чтобы на фронте распределить их небольшими группами среди дисциплинированных частей»⁵³. Держа в Ораниенбауме вблизи столицы неблагонадежные части, власти, казалось, в первую очередь хотели ускорить революцию. После победы Февральской революции три из четырех батальонов полка передислоцировались в Петроград. Революционные заправилы полка решили воспользоваться соглашением Петросовета с Временным правительством о невыводе из Петрограда войск, участвовавших в революции, хотя 1-й Пулеметный полк в Ораниенбауме не принимал в ней никакого участия. Фронт решительно требовал присылки новых пулеметных команд. Полковой комитет, находившийся под сильным влиянием анархистов, объявивший 21 июня об отправке на фронт 30 пулеметных команд, постановил: «... в дальнейшем мы будем посылать команды на фронт только тогда, когда война будет носить революционный характер, который возможен только при устранении от власти капиталистов и переходе ее в руки демократии в лице Всероссийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁵⁴. 2 июля 1917 г. петроградские анархисты приняли решение о мобилизации всех сил для организации выступления по свержению Временного правительства. Один из лидеров анархистов-коммунистов, член Петроградского и Кронштадтского советов И. С. Блейхман, переодевшись в солдатскую форму, повел агитацию за вооруженное выступление в казармах 1-го Пулеметного полка. 3 июля в 16 часов полк в боевом порядке двинулся к Таврическому дворцу – месту заседания ВЦИК Советов и Петроградского совета. К пулеметчикам присоединились солдаты Гренадерского, Московского и Павловского полков, а также рабочие, в большинстве путиловцы. Церетели, наблюдавший демонстрантов, писал: «С самого начала демонстраций на улицах началась стрельба, в результате которой были убитые и раненые. Кто был инициатором этой стрельбы? Провокаторы, затесавшиеся в ряды демонстрантов? Анархисты? Черносотенцы, стрелявшие в демонстрантов из-за угла? Или же наиболее фанатически настроенные большевистские демонстранты, горевшие желанием „пострелять в буржуев“? Если перечитать мемуарную литературу, относящуюся к июльским дням, станет ясно, что все эти факты, а также случаи простой панической стрельбы одних групп демонстрантов по другим, были налицо»⁵⁵. Большевики во всем обвиняли своих противников. Н. И. Подвойский, глава военной организации при большевистском ЦК, говорил о стрельбе 3 июля: «Несмотря на провокационные выстрелы, войска, за исключением 1-го Пулеметного, не употребляли оружия»⁵⁶. Мы считаем, что неожиданно вспыхнувшее июльское наступление исключало подготовку каких-либо засад. Большевистские авторы обвиняют в открытии стрельбы казачьи части, но казаки, отказавшиеся 4 июля выступить на защиту не только Временного правительства, но

---

⁵³ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Paris, 1963. Т. 2. С. 270.

⁵⁴ Войтинский В. С. Указ. соч. С. 162.

⁵⁵ Церетели И. Г. Указ. соч. С. 278.

⁵⁶ Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г. М., 1927. С. 58.

даже ВЦИК Советов, если вместе с ними не выступят пехотные полки, явно не могли пойти на самоубийственный обстрел Пулеметного полка. Весь вечер по городским улицам носились грузовики с вооруженными рабочими и солдатами, открывавшими беспорядочную стрельбу по окнам буржуазных домов.

3 июля в Кронштадт прибыла группа солдат-пулеметчиков и анархистов. Интересно, что кронштадтские большевики и анархисты ничего не знали о событиях в столице. В это время в Сухопутном манеже Ярчук читал лекцию «О текущем моменте», когда прибывшие из Питера пулеметчики, ворвавшись в зал, стали кричать: «Почему здесь занимаются теоретическими вопросами, когда в Петрограде льется кровь?» Все бросились на митинг на Якорную площадь. Если анархисты требовали немедленного выступления кронштадтцев, то в речах большевиков чувствовалась растерянность, о чем Ярчук писал в воспоминаниях: «В то время, как большевик Рошаль говорил на митинге о вооруженной демонстрации под лозунгом: „Вся власть Советам в центре и на местах“, другие члены партии вместе с Раскольниковым дежурили у прямого провода, ожидая решения Ц. К. партии, заседавшего в Питере. На вопрос Расколькова, заданный Рошалю: „А что, если партия решит не выступать?“ – последний ответил: „Ничего, мы их отсюда заставим“»⁵⁷.

Руководство РСДРП(б) засомневалось. Ленину и его окружению очень хотелось взять власть, но если, с одной стороны, они видели полное бессилие Временного правительства, все возрастающую поддержку большевиков со стороны рабочих Петрограда, столичного гарнизона и Кронштадта, то с другой, они понимали, что в большинстве районов страны и на фронте их мало кто поддерживает. Хотя Ленин считал, что мирным путем Советы не могут взять власть в свои руки: «Власть не передают. <...> Ее берут с оружием в руках <...>. Необходимо дать пролетариату указания, что вся организация его силы, в конечном счете, имеет целью восстание, если не через дни, не в ближайшие недели, то, во всяком случае, в ближайшем будущем»⁵⁸. Но ближайшее будущее можно понимать различно. Ленин считал, что большевики не готовы сейчас выступать. Противоречивость в действиях большевистского руководства усиливалась еще и потому, что они остались без главного руководителя. 29 июня Ленин уехал на дачу В. Д. Бонч-Бруевича под Выборгом. Но выступление пулеметчиков, рабочих, сообщение о желании матросов Кронштадта также принять участие в демонстрации вынудили большевистских лидеров возглавить демонстрацию. Поздно вечером 3 июля на 2-й общегородской конференции РСДРП(б) было решено принять участие в демонстрации с тем, чтобы придать ей мирный и организованный характер⁵⁹. Но вождя пролетарской революции продолжали охватывать сомнения. Утром 4 июля со свойственным ему неподражаемым цинизмом Ильич заявил группе своих приближенных, среди которых находились Л. Д. Троцкий и Г. Е. Зиновьев: «А не попробовать ли нам сейчас <...>. Нет, сейчас брать власть нельзя, потому что фронтовики все еще не наши. Сейчас обманутый либералами фронтовик придет и перережет питерских рабочих»⁶⁰. Церетели справедливо сделал вывод: «...выступление, организованное низами партии под видом чисто стихийного движения масс, „вынудило“ руководящие органы большевистской партии возглавить это движение, и с этого момента число демонстрантов увеличилось»⁶¹. Утром 4 июля 12 тыс. матросов Кронштадта на пассажирских и торговых судах прибыли в Петроград. Боевых кораблей в Кронштадте не было, все они находились в Гельсингфорсе и Ревеле. Прибытие массы матросов подняло шансы на успех переходящей в восстание демонстрации. Н. Н. Суханов вспоминал: «Кронштадтцы были, несомненно, главной ставкой партии Ленина и

---

⁵⁷ Ярчук Е. З. Кронштадт в Русской революции. Нью-Йорк, 1923. С. 11.

⁵⁸ Цит. по: Помпеев Ю. Февральский вихрь. Эти великие полгода. Ленинград, 1987. С. 595.

⁵⁹ В. И. Ленин. Полн. соб. соч. Т. 32. М., 1969. С. 517.

⁶⁰ Цит. по: Церетели И. Г. Указ. соч. С. 301, 302.

⁶¹ Там же. С. 297.

главным, решающим фактором в его глазах. <...> Высадившись на Николаевской набережной, кронштадтцы выстроились в отряды и направились... к дому Кшесинской, к штабу большевиков»⁶². Подойдя к большевистской цитадели кронштадтцы стали требовать выступления вождя большевиков. Видимо, Ленин находился в мучительных сомнениях. 12 тыс. готовых на все вооруженных матросов только ждут его приказа, его распоряжения ждут и 30 тыс. рабочих, а также тысячи солдат, окружавших дворец Кшесинской. Временное правительство и Исполком Советов не могут рассчитывать ни на одну часть, в лучшем случае, как это было с солдатами Семеновского и Преображенского полков, было обещано соблюдение нейтралитета. Но Ильич медлит и не хочет выступать. Раскольников свидетельствует: «...мы от имени кронштадтцев стали упрашивать его выйти на балкон и произнести хоть несколько слов. Ильич сперва отнекивался, ссылаясь на нездоровье, но потом, когда наши просьбы были веско подкреплены требованием масс на улице, он уступил и согласился»⁶³. Но матросы так и не дождались призыва к свержению Временного правительства. В своей короткой и бессвязной речи Ильич посетовал на болезнь, приветствовал собравшихся и призвал их к «выдержке, стойкости и бдительности». Выслушав Ленина, матросы двинулись к Таврическому дворцу – в резиденцию СРСиКД. На всех очевидцев, не являющихся большевиками и анархистами, демонстрация 4 июля производила угрожающее и в то же время противоречивое впечатление. Газета А. М. Горького «Новая жизнь» писала: «Эти бешеные, мчащиеся по городу автомобили, нагруженные и перегруженные солдатами с винтовками, штыки которых взьерошенной щетиной направлены были на ничего не понимающих людей... Эти пулеметы (по 3, по 5, по 6 штук на автомобиле!), своими дулами направленные на обалдевших обывателей... Эти дрожащие пальцы на курках винтовок и затворах пулеметов, эти вытянутые в пространство руки с револьверами... Этот бесшабашный и дикий свист с автомобилями...»⁶⁴. По пути к Таврическому дворцу военная колонна кронштадтцев превратилась в плохо управляемую толпу. Раскольников писал, как действовал на матросов сам вид обитателей Невского проспекта и других буржуазных кварталов: «... при одном виде наших классовых врагов в душе многих матросов клокотала безумная ненависть...»⁶⁵. Очевидцы свидетельствовали: «А около полудня в разных концах города началась стрельба. <...> Особенно на Невском – у Садовой и у Литейного. Как правило, начиналось со случайного выстрела; следовала паника; винтовки начинали сами стрелять куда попало. Везде были раненые и убитые...» Вслед за стрельбой стали громить богатые квартиры. Суханов рассказывал: «Начались небольшие, частичные погромы. Ввиду выстрелов из домов под их предлогом начались повальные обыски, которые производили матросы и солдаты. А под предлогом обысков начались грабежи. Пострадали многие магазины, преимущественно винные, гастрономические, табачные <...>. Разные группы стали арестовывать на улицах кого попало»⁶⁶.

В 14:30 толпы матросов подошли к Таврическому дворцу. На прилежавших к нему улицам все было заполнено демонстрантами. Царила жуткая толчея, так как одни колонны уходили, а новые приходили, чтобы донести до исполкома совета свои требования, главным из которых было: «Вся власть Советам!» Одному из руководителей ПНС И. В. Гессену больше всего запомнилась сцена, которую он наблюдал у Таврического дворца: «Теперь перед Тавр. Дворцом огромный рабочий, грозя кулаком вышедшему к толпе представителю Совета р. и кр. депутатов, в настоящем бешенстве кричал: „Принимай, сукин сын, власть, когда дают“»⁶⁷.

⁶² Суханов Н. Н. Июльские дни // Д. Анин. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Roma, 1971. С. 311.

⁶³ Раскольников Ф. Ф. Указ. соч. С. 133.

⁶⁴ Цит. по: Церетели И. Г. Указ. соч. С. 288.

⁶⁵ Раскольников Ф. Ф. Указ. соч. С. 135.

⁶⁶ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 313–314.

⁶⁷ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. М., 1993. Т. 22. С. 369.

Таврический дворец остался практически без охраны, ответственный за оборону дворца Войтинский при виде все новых и новых толп враждебно настроенных вооруженных людей обзванивал полки Петроградского гарнизона с просьбой прислать солдат для обороны, но ему всюду отказывали. В его распоряжении находились 14 солдат Павловского полка. Положение немного улучшилось после того, как к защитникам дворца присоединились несколько броневиков Броневоего дивизиона, команда которых насчитывала всего 18 человек⁶⁸. Особенно решительно были настроены матросы. Когда к ним вышел, чтобы их успокоить, министр земледелия Чернов, они арестовали его и усадили в автомобиль, чтобы увезти. Церетели описывал, как об этом узнали во дворце: «... члены Петроградского Совета вбежали в комнату Исп. К-та с криком: „Матросы арестовали Чернова и хотят его увезти“. Эти крики вызвали среди присутствующих сенсацию и тревогу, причем наибольшую тревогу проявили находившиеся тут большевики и члены левой оппозиции»⁶⁹. Благодаря энергичному вмешательству Троцкого Чернов был освобожден. Большевики гораздо лучше понимали, что собой представляют матросы, и боялись, что с Черновым могли расправиться самосудом. Тогда это не входило в их планы. Матросы были настроены решительно, но Ленин к активным действиям был еще не готов.

Раскольников и Рошаль отправились на встречу с большевистскими лидерами. Размах демонстрации привел Ильича в радостное настроение. Раскольников рассказал о своем присутствии на заседании небольшой группы партийных работников во главе с Троцким: «Освещая вопрос с разных сторон, все приходят к одному выводу: демонстрацию следует считать законченной, участников пригласить вернуться в казармы. Кронштадтцев решено временно, на всякий случай, оставить в Петрограде. Всеми единодушно признается, что, несмотря на успех сегодняшней демонстрации, условия для вооруженного восстания и захвата власти в данный момент еще не созрели»⁷⁰. Матросов разместили на ночь во дворце Кшесинской и в Петроградской крепости. Нерешительность большевиков дала время Исполкому Совета изменить положение. В ночь с 3 на 4 июля к Таврическому дворцу подошел в образцовом порядке 176-й запасной полк. Интересно, что часть была вызвана большевиками, но для чего – солдаты не знали. Члены Исполкома Советов Ф. И. Дан и Войтинский объяснили солдатам, что революция в опасности, Исполком Советов нужно защищать. Не до конца понимавшие, что происходит, солдаты обрадовались, получив четкое задание, и образовали надежную линию обороны дворца. Приход 176-го полка и, главное, стремительно распространившиеся по Петрограду слухи, что с фронта движутся на защиту Исполкома Советов надежные части, быстро привели в чувство солдат Петроградского гарнизона. Во дворец стали звонить из частей и предлагать помощь. Несколько гвардейских полков в полном составе выступили на защиту Советов. Первые эшелоны с правительственными войсками прибыли в Петроград с фронта в ночь на 6 июля. Правительство и Петроградский совет переходят в наступление. 1-й Пулеметный полк был направлен на фронт, пулеметчики не оказали никакого сопротивления. Матросы, размещенные во дворце Кшесинской, должны были организовать оборону дворца. В газетах публиковались материалы о связи Ленина с немецким генштабом. По городу шли аресты большевиков, Ленин находился в состоянии полной паники. Он испуганно говорил Троцкому: «Теперь они нас перестреляют. <...>

Самый подходящий для них момент». Момент был действительно подходящим, и вождь пролетарской революции непременно бы им воспользовался, но Троцкий лучше знал своих противников: «... Ленин переоценил противника – не его злобу, а его решимость и его способность к действию»⁷¹.

---

⁶⁸ Войтинский В. С. Указ. соч. С. 173.

⁶⁹ Церетели И. Г. Указ. соч. С. 307.

⁷⁰ Раскольников Ф. Ф. Указ. соч. С. 140.

⁷¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. М., 2006. С. 309.

А что в это время делают «краса и гордость революции» – кронштадтские матросы? 5–6 июля на улицах города казаки и юнкера арестовывали матросов. Раскольников возглавил делегацию, отправленную кронштадтцами к руководству ВЦИК Советов, где ей был предъявлен ультиматум о немедленной сдаче оружия, и только после этого им разрешат вернуться в Кронштадт. В воспоминаниях Раскольников мало говорится об охватившей их панике. Он явно скрывает, что, бросив матросов во дворце Кшесинской и Петроградской крепости на произвол судьбы, бежал в Кронштадт. В конце концов, матросы согласились сдать оружие, «но только Петроградскому совету и под расписку». Некоторые кронштадтские матросы и их руководители, в том числе Рошаль, Раскольников, П. Е. Дыбенко, были арестованы.

Так называемый заговор Верховного главнокомандующего русской армией генерала Л. Г. Корнилова привел к резкой радикализации общественно-политической обстановки в стране, росту влияния большевиков и ускорил освобождение их лидеров из тюрем. Он поднял значение балтийских матросов как основных защитников революции. Многие руководители ВЦИК Советов были готовы даже вооружить и призвать матросов Кронштадта на защиту Петрограда, хотя иногда их охватывали сомнения. Председатель ВЦИК Н. С. Чхеидзе на предложение ряда его членов передать охрану Таврического дворца кронштадтцам колебался, он боялся, что от кронштадтцев потом будет трудно избавиться. Но, в конце концов, он подписал обращение к кронштадтским матросам и поручил им охрану ВЦИК и Временного правительства. После подавления без единого выстрела корниловского выступления кронштадтцы не захотели уходить из Питера и потребовали освобождения арестованных за участие в июльских событиях матросов и их лидеров, угрожая ВЦИК Советов освободить их силой. Только по настоянию Кронштадтского совета моряки вернулись в Кронштадт.

Хорошо понимая, что русская армия и флот почти полностью утратили боеспособность, германское командование решило провести наступательную операцию, координируя действия сухопутных сил и военно-морского флота. Целью операции «Альбион» являлось уничтожение русских морских сил в Рижском заливе, захват Моонзундских островов с последующим прорывом на Петроград. Для участия в операции германское командование сосредоточило около 300 кораблей, в том числе 10 линкоров и десантный корпус в 24 600 человек⁷². Русский флот значительно уступал немецкому. Но его командование больше всего опасалось, что революционные матросы не будут выполнять приказы и не станут сражаться, хотя на вопрос командующего флотом Балтийского моря контр-адмирала А. В. Развозова, может ли он быть уверен, что за все время сражения его приказы будут выполняться беспрекословно, съезд моряков-балтийцев ответил: «Ваш приказ в бою – закон. Тот, кто осмелится не исполнить боевого приказа, явится врагом революции и будет расстрелян». Радостная картина поведения матросов, нарисованная советскими мемуаристами и историками, была далека от реальности⁷³. Русские морские офицеры вспоминали, что со стороны команд были «отдельные случаи подвигов и геройств», но больше было другого. Пилкин писал о корабле «Гром», «на котором из 60 человек погибших 40 человек выкинулись сами за борт, когда лопнул буксир, поданный на „Гром“. <...> на „Баяне“, офицеры с трудом заставляли команду тушить пожары»⁷⁴.

Казалось, немецкое наступление развивается успешно. Несмотря на потерю 26 судов, в основном мелких, немецкий флот был близок к выполнению поставленных перед ним задач. 3 октября немцы захватили остров Эзель (Сааремаа). В этот же день немецкий флот зашел в Рижский пролив. 5–6 октября немцы захватили ряд ключевых островов. Германская эскадра была близка к прорыву в Финский залив. Но неожиданно для русского командования немцы прекратили наступление, а 7 октября отвели корабли. Э. Людендорф, первый генерал-квартир-

⁷² Моонзундская операция // Военный энциклопедический словарь. М., 2002. С. 937.

⁷³ Дыбенко П. Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю. М., 2018. С. 120.

⁷⁴ Пилкин В. К. Указ. соч. С. 492, 493.

мейстер штаба Верховного командования, фактический руководитель действиями всех вооруженных сил Германии, писал о состоянии немецкого флота: «Продолжительное бездействие обнаружило явления, которые подчеркивали опасную для нас подпольную работу независимой социал-демократической партии в отдельных частях флота и отрицательно влияли на моральное состояние германского народа, а следовательно, и на нашу боеспособность. То, к чему стремилась лишь небольшая часть всего народа, нашло отголосок во флоте. Внешняя обстановка, в которой жили матросы, и постоянное соприкосновение с родиной способствовали распространению революционных идей»⁷⁵.

Хотя русский флот сохранял остатки боеспособности, боевой дух армии был настолько утрачен, что на острове Даго русские солдаты пришли сдаваться немцам в плен, но немцы отправили их обратно, даже не обезоружив, а на острове Эзель два русских полка сдались без выстрела нескольким мотоциклистам-разведчикам. Флот все-таки продолжал сражаться, но совещание адмиралов Балтийского флота направило правительству докладную записку, где утверждалось: «...при настоящей дезорганизации и деморализации флота <...> любая операция немцев против флота для нас кончится разгромом»⁷⁶.

Дальнейшее наступление немцев привело бы к занятию Петрограда при очень небольших потерях. Но зачем войскам Тройственного соглашения углубляться в бескрайние русские просторы? Большевики хорошо отработывали немецкие деньги и уже разложили практически всю русскую армию. Вот-вот получатели немецких денег должны прийти к власти в стране. Захват Петрограда немцами помешал бы большевикам осуществить свои планы, разоблачил бы их перед сторонниками в России как германских агентов и мог привести хотя бы к частичному восстановлению боеспособности русской армии. А приход к власти большевиков означал подписание крайне выгодного для Германии мирного договора с Россией и возможность переброски немецкой армии на Западный фронт, что давало надежду добиться победы в войне до прибытия свежих американских войск. По словам Людендорфа, «В ноябре большевистское разложение русской армии настолько продвинулось, что верховное командование могло серьезно приступить к ослаблению Восточного фронта с целью усиления войск на западе. <...> С конца ноября с востока на запад непрерывно потянулись воинские поезда. Дело заключалось уже не в обмене выдохшихся на западе дивизий на свежие с востока, а в действительном усилении численности Западного фронта»⁷⁷. Казалось бы, Брестский мир полностью соответствовал плану Верховного командования германской армии. Но большевики, развернув активную антивоенную пропаганду в Германии, способствовали ее поражению в войне в большей степени, чем американские войска.

---

⁷⁵ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М., 2014. С. 450.

⁷⁶ Цит. по: Пилкин В. К. Указ. соч. С. 493.

⁷⁷ Людендорф Э. Указ. соч. С. 453, 454.

4. Моряки – ударная сила большевиков

Но вернемся к основной теме нашей книги – балтийским матросам. Руководители большевиков рассматривали их в качестве ударной силы в планируемом перевороте. Ленин, скрываясь от арестов в Разливе, натолкнулся на упорное сопротивление в ЦК РСДРП(б) своему предложению о начале восстания. Основные надежды он возлагал на Балтийский флот: «Единственное, что мы можем вполне иметь в своих руках и играет серьезную военную роль, – это финляндские войска и Балтийский флот»⁷⁸. Во второй половине октября власть в Гельсингфорсе перешла в руки Центробалта, руководимого большевиками и анархистами. 17 октября Центробалт принимает две резолюции: об аресте комиссара Временного правительства «как представителя Временного правительства, ведущего разлагающую и провокационную во флоте агитацию...», и об образовании на всех судах и в частях, «имеющих команды более 200 человек...», специальных боевых отрядов, подчиненных Центробалту⁷⁹.

В Петрограде с июльских событий находился крейсер «Аврора». Большевистская команда под разными предлогами отказывалась выполнять распоряжения командования об отплытии в Гельсингфорс. В ночь на 25 октября «Аврора» встала у Никольского моста. В это же время туда прибыли из Кронштадта линкор «Заря свободы» и минный заградитель «Амур». В два часа дня к ним начали подходить мелкие суда и перевозить матросов в город. 5 тыс. балтийских матросов прибыли в Петроград. Троцкий с восторгом писал о них: «В кронштадтском отряде сами собой отобрались наиболее решительные и смелые. Эти матросы в черных бушлатах, с винтовками и патронными сумками, пойдут до конца»⁸⁰. В Петрограде находились суда и флотские части, к этому времени полностью перешедшие на сторону большевиков. Фактически все авторы воспоминаний писали, что главными действующими лицами Октябрьского переворота были моряки и красногвардейцы. Большинство частей гарнизона держали нейтралитет, как утверждал Н. Н. Суханов: «Ждать боевого настроения и готовности к жертвам от нашего гарнизона не приходилось. <...> Из 200-тысячного гарнизона едва ли пошла в дело десятая часть. Вероятно – гораздо меньше. При наличии матросов и рабочих – можно было выводить из казарм только охотников»⁸¹.

25 октября матросы и красногвардейцы заняли несколько учреждений столицы, практически не встречая сопротивления. На стороне правительства остались, по словам Суханова, только юнкера: «Группки юнкеров не могли и не думали сопротивляться. В общем, военные операции были похожи скорее на смены караулов в политически важных центрах города»⁸²

---

⁷⁸ Ленин В. И. Письмо председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии И. Т. Смигле. 27 сентября 1917 г. // ПСС. Т. 34. С. 264.

⁷⁹ Цит. по: Дыбенко П. Е. Указ. соч. С. 142.

⁸⁰ Троцкий Л. Д. История русской революции. М., 1997. Т. 2. С. 229.

⁸¹ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 396, 397.

⁸² Там же. С. 396.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.